

— Благодарю вас, благодетель Ся, — снова поблагодарил Ванчэнь.

Молодой монах на мгновение замялся, но всё же вежливо поклонился:

— Спасибо вам за доброту. Позвольте спросить, могу ли я поселиться в одной комнате с моим наставником?

— Ванчэнь! — остановил его старый монах. Он прекрасно понимал, что ученик просто хочет облегчить его участь, но меньше всего желал злоупотреблять гостеприимством Ся Чэня.

— Всё в порядке. Комната ваша, и вам решать, как в ней обустроиться, — Ся Чэнь отнёсся к этому легко.

Однако в его голове промелькнула смутная мысль.

«Ванчэнь... Откуда мне знакомо это монашеское имя? Кажется, я уже где-то его слышал».

Ся Чэнь позвал с собой Нань-гэера, чтобы показать Ванчэню комнату, а заодно перенести свои вещи по соседству.

Остальные монахи тоже разошлись по делам: кто-то отправился готовить отвар для больного наставника, кто-то занялся скромными пожитками. Ванчэнь, бережно поддерживая старого монаха под руку, поднялся на второй этаж. Он замер у порога, скромно опустив глаза, чтобы не смущать хозяина, пока тот собирал вещи.

С тех пор как буря распахнула окно в его спальне, Ся Чэнь перетащил основную часть багажа к Нань-гэеру. Вернувшись сюда, он забрал лишь пару сменных одеяний да самое необходимое, так что сборы не заняли много времени. В четыре руки они быстро закончили переезд.

Ся Чэнь приветливым жестом пригласил монахов войти. В ответ Ванчэнь и его наставник сложили ладони у груди и ещё раз низко поклонились.

Праздник весны в восьмой год эры Сиюань не радовал императорскую столицу привычным весельем и суматохой. Снегопад не прекращался уже десять дней. Сугробы намело такие, что человек увязал в них чуть ли не по пояс. Тем не менее на улицах начали появляться редкие прохожие — деваться им было некуда. Домашние запасы подошли к концу. Выйти наружу означало рискнуть замёрзнуть насмерть, но остаться дома — гарантированно умереть от голода.

Городская управа спешно созывала людей на расчистку дорог. Поговаривали, будто на трактах, ведущих к императорскому дворцу, рассыпали соль целыми мешками, а солдаты без усталости махали лопатами, чтобы расчистить хотя бы узкую колею для проезда.

Но здесь, в западном районе, селился простой люд, которому о подобной роскоши оставалось лишь мечтать. Из постоянного двора съехали последние состоятельные жильцы, а цены на горячую воду и скудную снедь взлетели в несколько раз. Обитатели дешёвых каморок и общих спален начали брать жильё и еду в долг. Хозяин заведения, впрочем, не слишком давил на должников — должно быть, понимал, что, если закрутить гайки, дело быстро кончится бунтом.

Что до смутьяна Ло Ху и его людей, то нанявшие их купцы наотрез отказались оплачивать их проживание, так что постояльцам не оставалось ничего другого, как выставить наёмников за дверь.

На двенадцатый день великого снегопада пришлась ночь под Новый год. Хозяин трактира за баснословные деньги выменял тушу барана и половину бычьего бока, приказав повару приготовить праздничный ужин для всех оставшихся гостей.

Обитатели постоянного двора, съехавшиеся со всех уголков Поднебесной, собрались в общем зале. Тем, кто мог заплатить, положили по несколько щедрых кусков мяса; беднякам же налили по миске наваристого бульона. Несколько дюжих мужиков, промышлявших, как и Ло Ху, охраной торговых караванов, подняли свои плошки и весело крикнули:

— Да благословит небо хозяина за его щедрость!

Тот лишь приветливо поклонился, сложив руки, а затем захватил кувшин вина и сам подсел к гостям. В общем зале поднялся невообразимый гвалт. Даже обычно чопорные учёные, раскрасневшись от хмеля, всюду орали песни и соревновались, кто кого перепьёт.

— Дядюшка, я так соскучился по дому, — пробормотал хмельной Нань-гээр, уткнувшись раскрасневшимся лицом в деревянную столешницу. Воспользовавшись тем, что Ся Чэнь отвлёкся, паренёк утащил со стола чарку с вином, и теперь его взгляд окончательно поплыл. — Матушка сейчас, небось, печёт свои пышные мясные баоцзы... И ту старую курицу-несушку дома уже наверняка забили к празднику. Раз нас двоих там нет, старшему брату лафа — все куриные ножки ему одному достанутся.

Ся Чэнь и сам тосковал по родным краям, но уморительные жалобы племянника заставили его невольно рассмеяться. Надо же, у людей тоска по родине — это возвышенные чувства, а у этого сорванца вся ностальгия сводится к еде!

— Не горюй. Вот уляжется метель, и дядюшка купит тебе целую курицу, — успокоил он мальчика, мягко взъерошив его волосы.

— Да когда же она уляжется-то?.. — тяжело вздохнул захмелевший Нань-гээр.

Разумеется, каждый в зале понимал, что эта зима выдалась пугающе неестественной. Но людям хотелось верить, что небо сжалится. «Вот кончится снегопад...» — твердили они изо дня в день, строя планы на будущее. Каждое утро они просыпались с надеждой увидеть яркое солнце, но за окном упорно валил тяжёлый, бесконечный снег.

— Не печальтесь, молодой благодетель. Этой метели осталось бушевать недолго, — раздался тихий голос Ванчэня, присевшего неподалёку.

С тех пор как Ся Чэнь поделился с монахами целебным порошком, сбившим у наставника сильнейший жар, они не знали, как выразить свою признательность. Нань-гээр же, обладая открытым и простодушным нравом, очень быстро сошёлся с молодым монахом из соседней комнаты.

Услышав столь уверенные слова, Нань-гээр мгновенно встрепенулся, его глаза радостно заблестели:

— Правда?!

— Истинная правда. Так сказал мой наставник, — Ванчэнь мягко улыбнулся, и в уголках его глаз заплясали тёплые искорки. Он был на редкость проницательным и тактичным юношей, общаться с которым было одно удовольствие.

Ся Чэнь не знал, действительно ли старый мастер Кунмин умел предсказывать погоду, но старик безусловно обладал глубокой житейской мудростью и редким благородством, вызывавшим искреннее почтение.

— Вот и чудесно! — радостно воскликнул Нань-гээр. — Как только потеплеет, я обязательно угощу тебя чем-нибудь вкусненьким! Жаль только, что вам, монахам, нельзя мясо. Оно ведь такое объедение...

Стоило разговору снова свернуть на еду, как Ся Чэнь обменялся с Ванчэнем понимающим взглядом. Оба лишь покачали головами с добродушной улыбкой.

Праздник затянулся далеко за полночь. К тому времени общий зал напоминал поле боя: захмелевшие постояльцы спали прямо на лавках и столах. Ся Чэнь, однажды уже пропивший по глупости львиную долю своих сбережений, к спиртному больше не прикасался. Вдвоём с Ванчэнем они подхватили под мышки еле переставляющего ноги Нань-гэера и поволокли его по лестнице.

У дверей спальни Ся Чэнь негромко попрощался с молодым монахом и затащил пьяного племянника внутрь.

— От тебя разит за версту! Будешь спать на полу, — притворно рассердился Ся Чэнь,

бесцеремонно свалив паренька на постель.

Тот, всё ещё балансируя на грани яви и сна, глупо заулыбался:

— Дядюшка... ты меня слишком любишь, не прогонишь...

Ся Чэнь не выдержал и легонько щёлкнул его по лбу:

— Завтра же заставлю тебя стирать и постельное бельё, и одежду!

— Ладно... — пробормотал Нань-гээр и, не успев закончить фразу, сладко заснул, мерно посапывая.

Укрыв племянника потеплее, Ся Чэнь прислонился плечом к косяку и задумчиво уставился в ледяное стекло. Интересно, как там Цзыцзянь? Хотя тот и уверял его, что припасов в загородном поместье заготовлено впрок на долгие месяцы и голод им не грозит, долгое молчание друга заставляло Ся Чэня не на шутку тревожиться.

«Тунбань, скажи, ты можешь раздобыть для меня немного солнечного света?»

Раньше ему казалось, что цветок-громкоговоритель — невероятно удобная штука, но сейчас вскрылся его главный изъян: без подзарядки он быстро разряжался. В условиях, когда небо заволочло тучами на две недели вперёд, этот артефакт превратился в бесполезный мусор.

[Не могу.]

Ся Тунбань ответил сухо и кратко. Ся Чэнь спрашивал об этом далеко не в первый раз, но система оставалась непреклонной.

Вздохнув, юноша мысленно обратился к системе с другим вопросом:

«А то чудесное семя, что я посадил недавно... Оно претерпело мутацию?»

Во время прошлого посещения храма Баочэн он набрал там особой земли, полил её талой водой и посадил семя. Выросшее растение оказалось весьма причудливым: оно не давало плодов, а его листья походили на резные, увеличенные во много раз снежинки. На ощупь они напоминали чистейший хрусталь и обжигали пальцы ледяной стужей.

Если швырнуть один из хрустальных лепестков на пол, пространство площадью примерно в один квадратный метр тут же сковывал мороз. В воде же этот эффект проявлялся ещё сильнее, мгновенно превращая её в глыбу льда.

В знойный летний полдень подобная способность пришлась бы как нельзя кстати — охлаждать напитки или свежие фрукты было бы сущим удовольствием. Но посреди лютой зимы эта ледяная магия казалась совершенно бесполезной.

Карта этого растения пополнила его «Волшебную книгу Ся Чэня» в виде скромной зелёной карты. Прежде чем пустить её в ход, Ся Чэнь предусмотрительно скопировал оригинал, сохранив его как первооснову.

Тем не менее этот успех зажёг в душе юноши огонёк надежды. Что, если ему однажды посчастливится вырастить настоящий солнечный цветок, способный накапливать энергию светила? Окрылённый этой мыслью, Ся Чэнь с завидным упрямством донимал Ся Тунбаня расспросами о состоянии новых семян.

Увы, система вновь вернула его с небес на землю:

****[Без изменений.]****

«Может, мне стоит снова наведаться в какой-нибудь храм и набрать свежей земли?» — с досадой подумал Ся Чэнь.

Не успел Ся Тунбань ответить, как со стороны окна раздался едва слышный, ритмичный стук. Юноша замер, затаив дыхание, и прислушался. Стук повторился.

Стараясь не шуметь, Ся Чэнь скользнул к окну. По пути он прихватил тяжёлую деревянную скамеечку для ног. Приблизившись к раме, он негромко, но твёрдо спросил:

— Кто там?

Особого страха он не испытывал — комната находилась на втором этаже, и забраться сюда без лестницы для простого грабителя было задачей непосильной.

— Это я, Юаньбао. Открой, — донёсся с той стороны до боли знакомый, долгожданный голос.

Ся Чэнь так и обомлел от радости. Выронив скамейку, он торопливо отодвинул засов и распахнул раму. Вместе со шквальным порывом морозного ветра и колючим снегом в комнату бесшумно скользнул силуэт.

— Как ты здесь...

— Тсс-с, — прижал палец к губам незванный гость.

Ся Чэнь послушно умолк. В следующую секунду в дверь осторожно постучали.

— Благодетель Ся, вы ещё не спите? Кажется, со стороны вашей комнаты донёсся какой-то шум, — слышался из коридора голос Ванчэня.

— Всё в порядке! Я просто нечаянно задел скамейку в темноте, — как можно непринуждённое отозвался Ся Чэнь.

За дверью воцарилось молчание, после чего слышались удаляющиеся шаги и тихий скрип закрывающейся соседней двери.

— Какими судьбами в такой час?! Замёрз? И как ты вообще залез на второй этаж? — шёпотом засыпал гостя вопросами Ся Чэнь. Не дожидаясь ответов, он схватил Вэнь Шу за руки — те оказались холодными, точно речная наледь.

Юноша бережно спрятал его ледяные ладони в свои, принялся усердно тереть их и согревать своим дыханием. Нахмурившись, он укоризненно уставился на мужчину:

— Ну неужели трудно было одеться потеплее?!

Ещё во время их прошлых встреч Ся Чэнь подметил, что Вэнь Шу совершенно не думает о холоде в угоду внешнему виду. Даже в лютые морозы он упрямо щеголял в тонких шёлковых одеждах. Сегодня на нём не было привычного вызывающе-красного халата — его сменил белый хлопковый наряд, который, впрочем, грел ничуть не лучше.

Вэнь Шу по привычке хотел было ответить, что ничуть не замёрз, но ощущение чужих тёплых пальцев, нежно растирающих его ладони, было настолько приятным, что он промолчал. Мужчина лишь мягко улыбнулся и замер, любуясь Ся Чэнем. За те долгие дни, что они провели в разлуке, он истосковался по этому лицу и теперь не мог оторвать взгляда.

— Погоди-ка, — Ся Чэнь попытался высвободить руки, чтобы достать тёплые вещи, но Вэнь Шу лишь крепче сжал его ладони, не желая отпускать. Юноша тихо усмехнулся: — Ведёшь себя как ребёнок. Иди сюда.

Потянув гостя за собой к платяному шкафу, Ся Чэнь отыскал зимнюю одежду, присланную из генеральского поместья Фу. Среди вещей нашлись два плотных, подбитых мехом плаща, предназначавшихся ему и Нань-гэеру. Вэнь Шу был куда выше и шире в плечах, так что обычные халаты Ся Чэня пришлись бы ему не по размеру, а вот просторный плащ сел отлично, пусть и казался слегка коротковатым.

Накинув на плечи друга плащ, Ся Чэнь обернулся и заметил, как тот хмуро косится на мирно сопящего на кровати мальчика.

— Это ещё кто? — нелюбезно спросил Вэнь Шу.

— Мой племянник, — едва слышно прошептал Ся Чэнь, боясь потревожить сон ребёнка.

— И почему он спит в твоей постели?

— Ну... это долгая история. Вообще-то комната его, а моя спальня была по соседству. Но я уступил её двум странствующим монахам — ты ведь слышал одного из них только что. Кстати, как ты разузнал, где я остановился? И зачем пришёл среди ночи? Да ещё и через окно полез! Это же второй этаж, а если бы сорвался?!

— Пришёл встретить с тобой Новый год, — тепло улыбнулся Вэнь Шу, умолчав о том, что вычислил спальню друга исключительно по звукам дыхания и шагов.

Он развязал принесённый с собой узел. Внутри оказались изысканные лакомства: те самые пирожные, которые Ся Чэнь как-то хвалил при встрече, сочный маринованный лувэй, ароматная жареная курица, кувшинчик отборного вина и даже несколько спелых, сочных апельсинов.

Ся Чэнь заворожённо смотрел на это гастрономическое изобилие. Ведь он лишь вскользь упомянул в одном из прошлых разговоров, что было бы здорово отпраздновать Новый год вместе. Кто бы мог подумать, что Вэнь Шу воспримет его слова так серьёзно и проделает столь опасный путь сквозь буран и стужу ради одной лишь встречи?

Заметив молчание юноши, Вэнь Шу обеспокоенно нахмурился:

— Прости, на этот раз вышло скудно. Времени на сборы почти не осталось. Не сердчай, Юаньбао. Обещаю, в следующем году наш праздничный ужин будет куда роскошнее.

— Ну что ты, всё просто чудесно! Меня от этих трактирных пресных лепёшек уже с души воротит, — рассмеялся Ся Чэнь и усадил гостя за стол. — Ну так как, выпьем по чарочке?

Цзыцзянь проделал такой долгий путь ради него — грех было не поддержать его компанию. Пусть он когда-то и зарёкся пить, от одной чарки ничего дурного не случится. В крайнем случае он просто не станет входить сегодня в системное пространство.

Заменив рюмки простыми чайными пиалами, Ся Чэнь наполнил их до краёв. Подвинув одну из них Вэнь Шу, он поднял свою:

— С Новым годом!

Вэнь Шу мягко столкнул их чаши:

— С праздником.

Осушив чаши до дна, они тепло улыбнулись друг другу. Разговор завязался сам собой — у близких друзей всегда найдётся ворох нерассказанных историй. Ся Чэнь вкратце описал свои приключения на постоялом дворе и уже собирался расспросить собеседника о его делах, как вдруг за окном послышалось тихое, едва различимое кошачье мяуканье.

Улыбка вмиг сошла с лица Вэнь Шу. Бросив на Ся Чэня долгий, полный скрытой грусти взгляд, он медленно поднялся со стула:

— Мне пора.

На самом деле он планировал спуститься с горы ещё десять дней назад. Чтобы не навлечь опасность на Ся Чэня, Вэнь Шу решил использовать себя в качестве наживки, выманив соглядатаев из поместья Динго-гуна, дабы покончить с ними раз и навсегда.

Однако дела пошли наперекосяк. Лишившись ноги, Вэнь Бо осознал, что путь к наследованию титула для него теперь заказан. Впав в безумие от безысходности, он приказал верным слугам убить старшего брата, а для верности назначил за его голову щедрую награду среди наёмных убийц.

Стоило Вэнь Шу расправиться с одной волной преследователей, как на её место тут же заступила следующая. Обладая феноменальной проницательностью, он быстро понял, что у этих банд разные хозяева. Короткий допрос подтвердил его догадки: за второй группой убийц стояла его мачеха, госпожа Линь.

Вэнь Шу помнил, что в прошлой жизни мачеха всегда вела себя с ним подчёркнуто ласково. Впрочем, тогда он был признанным наследником, любимцем всей столицы, и у её собственного сына, Вэнь Чжо, не оставалось ни малейшего шанса занять его место. Именно поэтому мачеха предпочитала сохранять видимость семейной гармонии.

В этой же жизни он превратился в отверженного изгоя, за которым не числилось ничего, кроме номинального права первородства. Вэнь Шу добровольно отошёл в тень, превратив борьбу за власть в поместье Динго-гуна в непримиримую схватку между двумя другими братьями — Вэнь Бо и Вэнь Чжо. Без его сдерживающего присутствия их вражда вспыхнула подобно лесному пожару.

И теперь коварная госпожа Линь решила половить рыбку в мутной воде. Устранив Вэнь Шу руками наёмников, она планировала свалить всю вину на искалеченного Вэнь Бо. Тогда Вэнь Чжо остался бы единственным законным наследником мужского пола, и титул достался бы ему без лишней борьбы.

Избавиться одним ударом от двух главных соперников — поистине гроссмейстерский ход.

Разумеется, Вэнь Шу не собирался плясать под их дудку. Однако за последние годы он не стремился обзаводиться личной армией, а против толпы выстоять в одиночку непросто. И пускай ему удалось перебить нападавших, его преданный слуга Чжэлю получил тяжёлое ранение, на лечение которого ушло немало драгоценного времени.

Все эти дни Вэнь Шу кружил по столице, увлекая преследователей за собой и вырезая их поодиночке при каждом удобном случае. Даже в праздничную ночь он не дал им расслабиться — отправил на тот свет двоих самых ретивых ищеек в качестве новогоднего подарка самому себе. А выгадав короткую передышку, пока остальные пытались напасть на след, он помчался сюда, чтобы увидеть того, о ком тосковало его сердце.

Рассказывать обо всех этих кровавых дрязгах своему дорогому Юаньбао он, конечно же, не собирался — не хотел пугать юношу почём зря.

— Уже?! — искренне расстроился Ся Чэнь. По необычному способу появления друга он догадывался, что тот нанёс визит тайно, но не ожидал, что их новогодняя встреча окажется настолько мимолётной.

Вэнь Шу промолчал, лишь пристально всматриваясь в его лицо. Затем он внезапно шагнул вперёд, крепко прижал Ся Чэня к своей груди и горячо зашептал ему на ухо:

— Юаньбао, слушай меня очень внимательно и запоминай каждое слово.

— А? Что такое? — Ся Чэнь попытался отстраниться, но стальные объятия не разомкнулись. Юноша смущённо пробормотал: — Да отпусти ты меня сначала... Негоже двум взрослым мужчинам так обниматься.

Но Вэнь Шу даже не подумал ослабить хватку. Прильнув губами к самому уху юноши, он заговорил настойчиво и строго:

— Послушай. Если до седьмого... нет, до шестого дня первого лунного месяца я не приду за тобой, немедленно забирай племянника и уезжай из императорской столицы. Направляйтесь на юг по главному тракту. Примерно через полдня пути покажется гора Сяоцзэ — она совсем близко к почтовой станции, любой прохожий укажет дорогу. На вершине стоит моя загородная усадьба. Там полно тёплых вещей и провизии. Ждите меня там и никуда не уходите. Я обязательно найду тебя.

<http://bllate.org/book/18260/1762686>